

Жили у бабуся

У нашей бабуся в деревне было не два, как в песне, а целых три гуся. И все белые. Крупные такие, с длинными стройными шеями и нарядными оранжевыми лапками. У гусей имелись имена, и все почему-то человеческие. Гуся звали Пашей, а гусынь- Верой и Любой. А хозяйку гусей величали Галиной Егоровной. У нее мы летом гусиные яйца брали. Очень уж они нам нравились - большие такие и белые. А вкусные, и как нам сказали даже целебные. Так вот однажды приходим мы к нашей бабушке-бабусе Галине Егоровне за очередной порцией яиц, и видим такую картину: стоит наш гусь Паша на спине у одной из гусынь, и вдаль смотрит. Или просто мечтает о своем гусином. Постоял так, слез со спины подруги, гаркнул ради приличия на нас и скрылся за домиком. Тут Галина Кузьминична показала:

-Совсем отбился от рук гусь несчастный, не дает покоя гусыне Любе, а Верка-то совсем извелась. Даже яйца перестала нести. Так что сегодня, извините, яиц немного будет. Эх, изверг, а еще Пашей назвался, как мой покойный брат. Весь в него, такой же упрямый.

- Что случилось с вашим Пашей? - интересуемся с сестрой.- Отчего он стал таким? Может быть, влюбился?...
- В кого? В Любку что ли? Она сама от него без ума. И Верка туда же, тоже в Пашке души не чаёт. Он на нее внимания не обращает, а она сохнет, яиц не несет. Вы, думаете, его Любка интересует? Гусь проклятый залезет ей на спину и стоит там часами. Все смотрит куда-то. Потом слезает и идет по своим делам, на гусынь - ноль внимания.
- Может он мечтает о чем-нибудь?- спрашиваем мы.
- Да о чем он может думать да еще мечтать? - размышляет наша бабуся, - Еды вон полное корыто, ешь - не хочу.
- Тогда может быть у него философия, какая на уме появилась?
- И тут Галина Егоровна соглашается с нами, - всякое может быть. Мой брат покойный тоже любил пофилософствовать. Бывало, за ужином картошечки жареной ему подам, а он сто граммов просит да потом философствует. Это да, бывало...

День клонился к вечеру, мы шли заросшей деревенской тропинкой, и размышляли: отчего же гусь Паша стал такой тихий и мечтательный...И тут увидели, как солнце стало садиться за сопку. И так красиво все вокруг осветило: и домики, и дорогу, и небо. Преобразилось все, и стало как в сказке розовым и золотым. Да, живут же люди и не замечают этой красоты. Даже на улице не выйдут, на скамеечке не посидят, тарашатся в телевизоры или суется по хозяйству. А подними голову - оторвись от суеты,

посмотри как прекрасна наша земля в такой вот летний предзакатный час, и отойдут все горести, как камень с души упадут...

И тут в голову пришла мысль: так, наверное, и наш знакомый гусь забросил своих подруг не просто из-за душевного равнодушия, а исключительно по другим соображениям. Хочется Гусю Паше высокого полета мыслей, чтоб от земли оторваться да в небеса воспарить. Потому и взбирается он на спину своей подруге. А почему другая гусыня не в холе? Спиной что ли не вышла?... Непонятно. А может быть его избранница более терпеливая да услужливая. Не в пример сопернице? Все может быть. Какая все-таки загадочная эта гусяная душа.

Несколько дней спустя мы опять наведались к нашей знакомой бабусе. Во дворе в той же позе застали Пашу. Гусь стоял на спине подруги и безотрывно смотрел вдаль, как и раньше. -Смотри,- заметила сестра, - наш Паша все так же мечтает о высоком.

Появилась Галина Егоровна и радостно сообщила.

- Сегодня яиц будет побольше. - А что такое? - спрашиваем.- Да Паша со вчерашнего дня по очереди «мечтает». Теперь-то он на Верке стоит, или не заметили?

Действительно Паша «мечтал» нынешним вечером на другой подруге. А предшественница тихонько паслась рядышком и ждала своей очереди. Видимо у гуся совесть все же проснулась, да и Верка вдруг сговорчивей стал.

-Весь в моего брата покойного, - неожиданно добавляет Галина Егоровна, - сядет порой на скамеечку и вдаль смотрит, думает, размышляет... Жизнь- то она ведь одна, порой и подумать над ней требует, вот где философия тогда и понадобится.

М. Тарасова